

страна востока

// хождение за три моря //

// этнографические этюды //

// лавка востокоеда //

// ex oriente ludus //

// Моховая, 6 //

// почитатель //

// наблюдатель //

// orientnet //

...ведь целью нашей была не просто страна Востока,
или, лучше сказать,
наша страна Востока была не просто страна,
не географическое понятие,
но она была отчизной и юностью души,
она была везде и нигде,
и все времена составляли в ней
единство вневременного.

Г. Гессе

**Юрий
Аверьянов**

Духовные искания Великого Могола

Акбар посещает шейха Абдуллаха в его пещере.

Загадочная личность падишаха Акбара из династии Великих Моголов, правившего в Индии во второй половине XVI в., до сих пор привлекает к себе пристальное внимание не только историков, но и политиков, общественных деятелей, философов. Акбар известен не только в Индии, где его чтут как своего рода национального героя, символ единства страны и примирения разных конфессий, но и далеко за её пределами.

Династия Великих Моголов, к которой принадлежал Акбар, происходит из Средней Азии. Предком Акбара был жестокий завоеватель Тимур (Тимурленг), покоривший значительную часть Азии. Один из его потомков – султан Бабур, воин и поэт, писавший прекрасные стихи на фарси и на тюрки, вторгся со своими войсками в Северную Индию, овладел городом Дели и основал новое мусульманское государство. Его правителей называли Великими Моголами («могол» – монгол, принявший мусульманскую веру). Внук Бабура Акбар родился уже на земле Индостана.

Акбар вступил на престол в возрасте 12 лет. Уже в юности он начал вести военные походы, в ходе которых ему удалось объединить значительную часть Индии. В 1574 г. Акбар перенёс столицу из Дели в построенный им посреди пустыни «Город победителя» (Фатехпур-Сикри), представлявший собой по существу военный лагерь. Но Акбар вошёл в историю не столько как воитель, сколько как духовный реформатор, освободивший немусульман от тяжёлых поборов и создавший весьма странную «религию», ставшую приметной чертой его времени.

Падишах Акбар не умел ни читать, ни писать, но при этом покровительствовал искусствам. Его родным языком был тюркский (староузбекский), но ещё в детстве он в совершенстве овладел персидским – языком мусульманской культуры того времени. Знал он и разговорные языки Индии (урду, панджаби, раджастхани).

С ранней юности Акбар весьма интересовался тайной взаимоотношений Бога и человека. У него были все основания восхвалять Аллаха (Бога) за одержанные им победы. По возвращении из похода на Бенгалию в начале 1575 года

Юрий Анатольевич
Аверьянов – старший
научный сотрудник
Института востоковедения
РАН, кандидат исторических
наук, специалист Центра
восточной литературы РГБ.

Акбар издал указ о строительстве Дома поклонения («Ибадат-хана»), предназначенного для проведения дискуссий между представителями различных направлений и религиозно-правовых школ ислама в присутствии самого падишаха. «Ибадат-хана» находилась недалеко от кельи покойного шейха Салима, духовного наставника Акбара. На собрания приглашались шейхи суфийских братств, *сайиды* – потомки пророка Мухаммеда, богословы-улемы, а также знатные приближённые Акбара, интересующиеся духовной жизнью. Дом поклонения состоял из просторного зала, вмещающего не менее двухсот человек, построенного вокруг остатков жилища отшельника – шейха Абдуллаха, ученика шейха Салима. Для каждого из четырёх представленных сословий были отведены особые места, разделённые

между собой перегородками или ширмами. Падишах переходил из одной секции в другую и заводил дискуссию то с одним, то с другим из авторитетов. «Заседания» начинались обычно вечером, на закате, в четверг и продолжались иногда до полудня пятницы.

Начиная с 1578 г., на эти учёные собрания стали приглашаться также индусы, парсы, христиане и джайны. После 1580 г. Дом поклонения, возможно, продолжал функционировать, но его деятельность постепенно замирала. Со временем он запустел и был разрушен, быть может, по приказу самого Акбара, который к тому времени полностью разочаровался в исламе. Сейчас трудно даже определить точное местоположение этого духовного центра на территории дворцового комплекса в Фатехпур-Сикри.

Акбар посещает гробницу мусульманского святого Муин-уд-Дина в Аджере, Раджастан. Гробница является одним из духовных центров братства *чистия* в наши дни.

Акбар осматривает диких слонов, пойманных во время охоты.

Предпринимая одновременно реформу управления и налогообложения, укрепляя свою власть в завоёванных провинциях, Акбар был заинтересован в создании соответствующей имперской идеологии. В какой-то мере в этом ему помогал его главный визирь – индус Раджа Тодар Мал.

Государственная необходимость совпала с изменениями в личной жизни Акбара и переворотом в его психике. Начало этому положил странный инцидент, произошедший с ним в мае 1578 г., на ежегодной шахской охоте в Панджабе (*камарга*). Подготовка к охоте велась в течение 10 дней, как вдруг Акбар приказал отозвать ловчих. Среди придворных стали распространяться слухи, что Акбар внезапно пришёл к осознанию бренности земной власти и даже собирается отречься от престола. Перемена в характере суверена, до того столь властолюбивого, объяснялась якобы некоей встречей лицом к лицу с самим Аллахом, вызвавшей в душе Акбара сильнейший суфийский экстаз.

Видение настигло Акбара в тот момент, когда он отдыхал, сидя в тени дерева. «И когда почти случилось, что обе стороны *камарги* соединились вместе, внезапно странное состояние и сильнейшее неистовство нашло на Падишаха, и необычайная перемена обнаружилась в его поведении, до такой степени, что невозможно передать. И каждый приписывал сие то одной, то другой причине, но одному лишь Богу ведомы тайны. И тогда он [Акбар] повелел отказаться от продолжения охоты:

Берегись! Ибо внезапно приходит благодать Господня,

Она приходит вдруг в душу мудрого человека».

Так описывал этот факт историк Бадауни. У подножия того дерева Акбар раздал множество золотых монет беднякам и дервишам и приказал заложить в том месте основание большой обители и разбить сад. Он остриг волосы, и многие придворные последовали его примеру. По возвращении в столицу Акбар повелел наполнить огромный

бассейн в своём дворце несметным количеством монет и раздать их затем на благотворительные нужды.

Что же произошло с властителем? Возможно, он увидел сон; возможно, с ним случился припадок (он был склонен к эпилепсии).

И в прошлом у Акбара время от времени случались нервные срывы. Так, во время похода на Сурат падишах, будучи в состоянии опьянения, хотел броситься грудью на пику (в подражание древнеиранским героям) и был с трудом удержан от этого поступка одним из своих военачальников. Именно страсть Акбара к древнеиранской культуре объясняет то особое положение, которое заняли при его дворе парсы. Говорили, что он носит под своей одеждой священную рубаху и пояс зороастрийцев. Глава индийских парсов Мехерджи Рана обучал Акбара молитвам и обрядам своей веры. Во дворце был зажжён священный огонь, горение которого было поручено поддер-

живать придворному историку Абу-ль-Фазлу. В марте 1580 г. Акбар стал публично совершать церемонию поклонения (простирая ниц) пред священным огнём и восходящим солнцем, ввёл празднование 14 доисламских иранских празднеств. Когда вечером во дворце зажигались лампы и светильники, весь двор должен был вставать в знак уважения перед огнём. Зажигальщика светильников, уснувшего однажды на своём посту, падишах приказал сбросить с башни.

Но Акбар не пошёл до конца в своём обращении в парсизм, и точно также он оставался на полпути в своём увлечении индуизмом, джайнизмом и христианством, хотя служители каждой из этих религий имели некоторые основания записывать его в число своих адептов. Акбар как бы примеривал разные религии на себя, проверял насколько они пригодны в качестве государственного культа, в какой мере они способны заменить господствующий в империи (но не в душах людей) суннитский ислам.

В 1582 г. ко двору Акбара из Гуджарата был приглашён джайнский наставник Хиравиджайя Сури. Хиравиджайя пришёл пешком в Фатехпур-Сикри (так как учитель его ранга не мог передвигаться на повозках). Он убедил падишаха освободить узников тюрем и птиц, заключённых в клетки во дворце, и под страхом смерти запретить убиение животных в определённые дни (до 6 месяцев в году). Акбар отказался от столь любимой им прежде охоты, ввёл ограничения на ловлю рыбы и почти полностью прекратил есть мясо. В 1587 г. Акбар отменил взимание унижительной подушной подати с немусульман – *джизы*.

Надпись на стенах джайнского храма Адисвара на Катхиаваре содержит многочисленные восхваления Акбару (храм был освящён в 1590 г.).

В 1578 г. Акбар направил письмо к властям португальской колонии Гоа следующего содержания:

«Главным служителям ордена св. Павла.

Да будет им известно, что я являюсь их большим

другом. Я направил прежде Абдуллаха, моего посланника, и Доменико Переса, дабы пригласить вас послать ко мне вместе с ними двух из ваших образованных людей, которые захватили бы с собой книги по Закону, и прежде всего Евангелия, ибо я искренне и серьёзно желаю постичь их преимущества; и я прошу вновь с большой настойчивостью, дабы они прибыли вместе с моим посланником и привезли свои книги, так как от их приезда я получу великое утешение. Они же будут дорогими гостями, и я приму их со всеми возможными почестями. Как только я просвещусь достаточно в Законе и постигну его во всём его совершенстве, они смогут вернуться, куда им будет угодно, и я отошлю их назад с великим почётом и заслуженным вознаграждением. По крайней мере, объясните им, что у них нет оснований бояться меня, ибо залогом служит моя благая вера, которая убедит их в отношении моих намерений».

Для португальской короны это приглашение было поистине неожиданным

Неудавшаяся попытка Акбара броситься на меч.

Акбар в окружении придворных и разноязычной группы художников и мыслителей, поэтов и военачальников. В Доме поклонения «Ибадат-хана» Великому Моголу преподносят иллюстрированный трёхтомник «Акбар-наме».

и желанным. Во главе миссии, отправившейся ко двору Великого Могола был Ридольфо Аквавива, его сопровождали Антонио Монсеррате и Франческо Энрикес (последний – обращённый мусульманин, исполнявший роль переводчика). Ридольфо Аквавива – сын герцога Атри, один из знатнейших аристократов Неаполитанского королевства, с детства был предрасположен к религиозной карьере и с этой целью вступил в орден иезуитов. Антонио Монсеррате, каталонец по национальности, был весьма фанатичным проповедником, так что в обличении веры Мухаммеда перед Акбаром он настолько потерял всякую меру, что даже терпимый падишах вынужден был его останавливать. Ему было поручено вести дневник миссии. Работа Монсеррате под названием «Mongolicae Legationis Commentarius» (обнаруженная в 1906 г.) содержит весьма полный отчёт о поездке. Он составил также и первую карту Северной Индии, впоследствии был воспитателем младшего сына Акбара – принца Мурада.

С большим караваном купцов миссионеры проделали путь от Сурата до реки Чамбал и, встреченные конным эскортом падишаха, вступили в феврале 1580 г. в Фатехпур-Сикри (путешествие продолжалось 43 дня). Нетерпеливый Акбар сейчас же пригласил их к себе и не отпускал до 2 часов ночи. Он оделся в португальский костюм и одарил своих гостей большими суммами денег, но святые отцы отказались принять всё, что превосходило расходы на их содержание. Они преподнесли Акбару Королевскую Библию Плантина, напечатанную в 1569–1572 гг. для Филиппа II Испанского. Позднее Акбар возвратит этот дар вместе с другими европейскими книгами иезуитам, находившимся тогда при его дворе. Но тогда падишах проявил высочайшую почтительность к Священному писанию и, принимая его, снял с головы тюрбан и поцеловал книгу. Он приказал своим художникам скопировать изображения Христа и Девы Марии, которые святые отцы привезли с собой. Иезуитам разрешили устроить часовню во дворце и заняться обучением принца Мурада, которому тогда исполнилось 10 лет.

Миссионеры в вопросах веры были бескомпромиссны, так что только личное покровительство падишаха спасло им жизнь. Аквавива писал вице-королю Гоа: «Магомет здесь значит всё... И мы не можем возвещать здесь правду, ибо, если мы зайдём слишком далеко, жизнь самого Падишаха будет в опасности».

Прижизненный портрет Великого Могола.

Некоторые из защитников мусульманской веры предлагали устроить для отцов-иезуитов «испытание огнём», весьма популярное средство, известное в мусульманской литературе о святых. Один из отцов-иезуитов и один мусульманский мулла должны войти в огромный костёр, вышедший из огня невредимым признаётся победителем. Акбар по секрету сообщил иезуитам, что он устроит так, что они победят в этом испытании, а мулла, которого он очень не любил, сторит в огне. Но отцы-иезуиты отказались и от такого нечестного способа победить и от самого испытания. На Пасху Акбар тайно намекнул иезуитам, что он может поехать с ними в португальскую колонию Гоа и там принять крещение. Мусульманам он собирался объявить, что отправляется в хадж в Мекку.

Ещё в 1579 г. Акбар отстранил от должности имам-хатиба главной мечети Фатехпур-Сикри и сам стал вместо него произносить проповеди с кафедры мечети. Его единомышленник, придворный поэт Файзи, написал для него текст стихотворной *хутбы* (проповеди):

Во имя Того, Кто дал нам властвование,
Кто дал нам мудрое сердце и мощную
длань,
Кто направляет нас к равенству и справедливости,
Кто устранил из нашего сердца всё,
кроме беспристрастия,
Восхваление Его превыше степени наших
мыслей,

Слава Его величию – Аллах Акбар!

После проповеди Акбар сошёл с кафедры и стал молиться. По некоторым сведениям, он так обессилел, что упал без чувств. Действительно, это был смелый шаг. Некоторые монеты времён Акбара содержат легенду «Акбар Аллах», подтверждающая

Акбар, принимающий поздравления от властителя покорённых земель.

тем самым наличие у падишаха претензий на божественность.

Култ царя, получивший широкое распространение в Древнем Иране, не мог не повлиять на формирование подобных представлений у Акбара и части его приближённых. Большую роль в обращении Акбара сыграли, по-видимому, шейх Мубарак и два его сына – Абу-ль-Фазл и Файзи, которые всячески поощряли претензии Акбара на самообожествление. В сентябре 1579 г. шейх Мубарак издал *фетву* о непогрешимости Акбара. Документ был подписан и другими ведущими улемами, не проявившими, однако, большого энтузиазма в этом деле. Практически любое указание Акбара стало считаться истиной в последней инстанции, все улемы должны были воспринимать его как непререкаемый закон. Акбар был провозглашён имамом, чей авторитет не подлежит никакому сомнению. Мысль имама превыше всех других мнений. После этого деятельность Дома поклонения потеряла всякий смысл, ибо все догматические затруднения могли быть решены теперь гением одного человека.

Но Акбар не остановился на этом. Уже в 1580 г. отцы-иезуиты услышали от офицеров по особым поручениям, что он запре-

тил упоминать имя пророка Мухаммеда во время общей молитвы. Проповедь «всеобщего мира» (*сульх-и кюль*) у Акбара превратилась в отвержение мусульманства как религии, занимавшей дотоле господствующую позицию в государстве. Мусульмане, особенно служившие в войске, восприняли подобное «отступничество» своего государя весьма скептически. Духовный судья Джаунпура шиит Мулла Мухаммад Йазди объявил, что мятеж против правителя, вводящего новшества, дозволен шариатом. Восстание возглавил младший брат Акбара Мирза Мухаммад Хаким, правитель Кабула, человек слабый и склонный к пьянству. Мятежники были разгромлены войсками Акбара.

Акбар апеллировал к суфийским понятиям о единстве всех религий и равенстве различных способов поклонения единому Творцу. Но новая религия Акбара была в первую очередь «царской», сосредоточенной на персоне суверена и его божественных полномочиях. Был разработан ритуал принятия новой веры, причём сам Акбар должен был посвящать желающих и надевать им на голову тюрбан (церемония, в принципе, напоминающая инициацию в братствах дервишей). Похоже, что речь шла об особом ордена, объединяющем наиболее преданных сторонников падишаха. Акбар ввёл и другие ритуалы: его сторонники должны были с помпой отмечать дни своего рождения, раздавая милостыню бедным и подготавливая тем самым себе пищу в раю; воздерживаться от употребления мяса, в особенности в тот месяц, в котором они появились на свет; не пользоваться одной посудой с мясниками, рыбаками и ловцами птиц; после смерти их тела должны быть сожжены. Ни один ребёнок не должен был получать имени Мухаммед, и те дети, которых называли уже Мухаммедами, должны были сменить имя. Мечети нельзя было реставрировать; новые мечети не строились.

Был издан указ о сбривании бород. Запрещено употребление чеснока и лука (согласно индуистским верованиям). Участники молений должны были одеваться в одежды, шитые золотом и серебром (что не допускается в исламе). Запрещён пост в месяц рамазан и паломничество. Не одобрялось изучение арабского языка и коранических дисциплин. Пятикратный намаз не совершался. Недовольные новшествами ссылались в отдалённые провинции, лишались постов.

Действия Акбара чем-то напоминали поведение Ивана Грозного двадцатью го-

дами ранее, в момент введения опричнины. Они были ярким проявлением деспотизма абсолютного властителя, стремящегося подчинить и духовную власть. В 1595 г. главный муфтий империи Великих Моголов принял «божественную веру» вместе со своими сыновьями и получил звание «тысячника»¹. Акбар выплачивал сторонникам новой веры немалое вознаграждение, не стесняясь таким путём пополнять ряды своих адептов. «Все следовали за ним, но только из-за денег, которые он им давал», – писал один из иезуитов.

Разразившаяся в 1582 г. пограничная война между португальцами и Моголами вынудила иезуитов покинуть двор Акбара. Расставаясь с ними, Акбар просил рассказать о его победах европейским монархам и предлагал заключить союз против турок. Он заявил, что он сам более не мусульманин и не испытывает никакого почтения к мусульманскому Закону.

Аквавива вернулся в Гоа в 1583 г. Он вывез из столицы Акбара семейство русских рабов, освобождённых падишахом по его просьбе. Вскоре Аквавива был убит толпой фанатичных индусов, протестовавших против разрушения их храмов миссионерами. Впоследствии католическая церковь признала его мучеником за веру.

В 1590 г. до иезуитской миссии в Гоа вновь стали доходить известия о желании Акбара стать христианином.

«В день Успения (Assumption) Пресвятой Девы [15 августа] он устроил празднество и водрузил на высоком месте изображение Девы, подаренное ему отцом Родольфи и его сотоварищами, и призвал родственников (близких) и придворных к тому, чтобы они целовали сие изображение с надлежащим почтением. Они попросили о том, дабы и принц, его сын исполнил то же, и он дал согласие с превеликой готовностью.

Император [Акбар] обратил все мечети города, в котором он обитает [Лахора] в стойла для слонов и лошадей, под предлогом приготовления к военным действиям. В скором времени также он разрушил Алкораны (то есть башни, с которых муллы призывают Мухаммеда громким голосом) [минареты], заявив, что раз мечети больше не используются для молитв, нет более необходимости и в этих башнях: и сделал

¹ Звания (*мансабы*) раздавались Акбаром вместе с соответствующими денежными окладами не только военным, но и представителям духовенства, людям искусства и т.д. Высшим считалось звание «начальник пяти тысяч» (сыновья Акбара могли получить звание «начальник семи (или восьми) тысяч»).

Акбар инспектирует ход строительства Фатехпур-Сикри.

он так из ненависти к учению Мухаммеда и из-за своей привязанности к Евангелию. Субдиакон утверждает также, что имя Мухаммеда столь же ненавистно для могольского двора, как и для христианского мира, и что Император ограничил себя лишь одной супругой, отказавшись от остальных и разделив их среди своих придворных. Более того, он обнаружил закон, согласно которому ни один магометанин не должен делать своему сыну обрезания до достижения им 15-летнего возраста, и что сыновья должны быть предоставлены самим себе в том, что касается выбора религии, когда они достигнут совершеннолетия.

Так писал в своём отчёте в Рим провинциал Гоа (глава местного отделения ордена иезуитов). Ко двору Акбара, по его просьбе, была направлена вторая миссия иезуитов во главе с отцом Эдвардом Лейотоном, но она также провалилась. Иезуиты жаловались на то, что ни одна аудиенция у падишаха не может состояться без присутствия всемогущих «генералов», враждебно настроенных к христианам.

С наступлением 1000-го года лунной хиджры (1591/1592 гг.) связывались в народе и при дворе представления о пришествии Махди, обновителя веры накануне

**Изображение Девы Марии с младенцем Иисусом.
Работа могольского художника XVI в.**

Страшного суда, и о завершении эпохи ислама. Акбар в этой связи издал несколько постановлений, в частности о том, что индусы, насильно обращённые в ислам, могут вернуться к вероисповеданию своих предков; о том, что, если индуска вышла замуж за мусульманина и приняла ислам, этот брак должен быть расторгнут и она возвращена своим родственникам; о свободном строительстве любых храмов – индусских, христианских или иудейских.

В 1595 г. к Акбару прибыла третья иезуитская миссия из Гоа во главе с отцом Жеромом Ксавье, который оставался при могольском дворе в течение 23 лет. Его сопровождал отец Эммануэль Пинейро, посвятивший себя обращению простого люда столицы и мало общавшийся с Акбаром. Миссия добиралась до ставки Акбара почти полгода в очень неблагоприятных условиях. Акбар, похоже, мало заботился о благополучии в пути отцов-иезуитов. Он встретил их, тем не менее, ласково и отвёл им прекрасную резиденцию на берегу реки, вдали от городской сутолоки и глаз любопытных.

Падишах оказал гостям необычайные знаки внимания, позволив им даже сидеть в своём присутствии во время приёмов,

вплоть до того, что выделил им место на своём собственном диване (на подушках). Им было разрешено не простираться ниц перед повелителем. Однажды во время литании Акбар опустился на колени и простоял так всю службу со смиренно сложенными руками. Именно к тому времени относятся копии изображений Девы Марии с младенцем Иисусом, выполненные могольскими живописцами.

Ксавье писал в своих письмах, что Акбар склонен к язычеству (индуизму) и к почитанию Солнца, что он считает себя пророком, способным творить чудеса (больные якобы исцеляются, испив той воды, в которую он погружает свои «благословенные» ноги). Он получал публично подношения от бесплодных женщин, просивших его даровать им сыновей. Во всей столице, по словам Пинейро, не осталось ни одной мечети и ни одного экземпляра Корана. Падишах развлекается, наблюдая борьбу диких кабанов, которых приводят в его дворец (кабан – животное нечистое по мусульманской вере), и приказывает инкрустировать золотом кабаньи клыки.

Однако действительные намерения Акбара по отношению к португальскому владычеству на берегах Индийского океана были далеко не идиллическими. Излияния чувств по отношению к иезуитам были призваны замаскировать и усыпить их внимание, не дать им разгадать его истинные замыслы. Акбар внимательно следил за происходящим в португальских колониях с помощью многочисленных шпионов. Впрочем, и сами иезуиты действовали скорее как политическая миссия, чем как духовная. С самого начала они сомневались в самой возможности обратить падишаха Моголов в христианство.

Одновременно Акбар приступил к выполнению своих планов по завоеванию Южной Индии. В письме узбекскому хану Абдулле он писал, что «предпринял бы сокрушение неверных франков, пришедших (и занявших) острова в океане».

В марте 1597 г., во время празднества в честь Солнца, когда Акбар восседал на террасе своего дворца, во дворец ударила молния и большая часть его сгорела, золотая утварь расплавилась, и золотые ручьи потекли из дворца во все стороны. Акбар вместе с отцами-иезуитами отбыл в Кашмир, чтобы отдохнуть «в своих личных садах». В его отсутствие в Лахоре была освящена новая церковь. На Рождество в ней были представлены рождественские мистерии, которые привлекли большую толпу зрителей, в основном индусов.

В 1601 г. Акбар направил своё посольство в Гоа. Речь больше не шла о наставлении в христианской доктрине: посольство вело переговоры о торговле, о возможных поставках оружия и артиллерии Моголам.

Отцы-иезуиты добивались у Акбара письменного подтверждения их полномочий по обращению мусульман в христианство, но канцелярия Акбара колебалась. В конце концов, документ всё же был выдан. Для Акбара на персидском языке был составлен иезуитами «Дастан-и Масих» («Повесть о Христе»), который он приказывал зачитывать ему вслух. Ныне этот манускрипт хранится в Бодлеянской библиотеке в Лондоне.

Принц Салим, чьей резиденцией был Аллахабад, поднявший мятеж против своего отца, соревновался с ним в выражении почтения к христианским символам. Он носил медальоны с изображениями Младенца Христа и Девы Марии, изумруд с изображением распятия на золотой цепочке, приказал выбить на своих печатках знак креста.

При преемниках Акбара португальское влияние в Индии уступило место английскому. Правнук Акбара Дара Шукох пытался продолжить усилия своего предка по созданию синкретической религии на основе индуизма, суфизма, христианства. Как и сам Акбар (возможно, отравленный

агентами своего сына Салима), Дара Шукох потерпел поражение. Он был казнён по приказу своего брата Аурангзеба, сторонника строгого правоверия.

«Божественная вера» прекратила своё существование вместе со смертью Акбара. Однако его духовные искания свидетельствуют о государственной необходимости в выработке такой идеологии, которая устраивала бы всю многонациональную империю, отражала весь спектр существующих в ней верований. Контакты с католическими миссиями и резко враждебное отношение к мусульманскому правоверию показывают, что целью Акбара было ослабление духовенства и военной аристократии, от контроля которых он мечтал избавиться. Феномен Акбара оставил глубокий след в индийском самосознании. И в наши дни многие в Индии считают Акбара основателем современной индийской государственности, своего рода предшественником Махатмы Ганди. Ежегодно устраиваются фестивали в честь Акбара возле его гробницы в Сикандара. Эта пятиэтажная гробница оригинальной формы (тело Акбара было погребено не в земле как полагалось по мусульманскому обычаю, а на высоте пятого этажа) на века останется памятником причудливому гению могольского падишаха.

Гробница Великого Могола.

В оформлении использованы иллюстрации из журнала «Orientations» и книг: Hajek, Lubor. *Indische Miniaturen vom Hof der Mogulkaiser*. Praha, 1960; Smith, Vincent Arthur. *Akbar the Great Mogul. 1542–1605*. Oxford, 1919.

Abu-l Fazl. *Akbar-nama of Shaikh Abu-l Fazl*. Calcutta, 1953.

Badauni. *Akbar*. Calcutta, 1961.

Jarric, Pierre, du. *Akbar and the Jesuits. An account of the Jesuit missions to the court of Akbar*. London, 1926.